

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(450).”12/13”

БЫЛ ЛИ МАРСИЛИЙ ПАДУАНСКИЙ АВЕРРОИСТОМ? К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКА

А. К. Гладков

РАН, Институт всеобщей истории,
г. Москва, Россия

В историографии достаточно давно было высказано предположение, согласно которому в «интеллектуальном арсенале» Марсилия Падуанского присутствовали, наряду с античными, святоотеческими и собственно средневековыми политическими идеями, также и аверроистские. Впрочем, до сих пор сложно однозначно ответить на вопрос, был ли Марсилиий приверженцем этого философского течения или нет? Анализ трактата «Защитник мира» показывает, что Падуанец не обошёл своим вниманием наиболее примечательные стороны учения знаменитого «мудреца с Востока», однако если и использовал отдельные положения аверроистской теории, то весьма избирательно. Выявление на уровне источников «восточной линии» развития политической мысли первой половины XIV в. раскрывает новые перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: Марсилиий Падуанский, «Защитник мира», «политический аверроизм», политическая мысль, схоластика.

Марсилиий Падуанский (Marsilius of Padua, Marsilius von Padua, Marsi[gl]io da Padova, 1275–1342/1343) – один из наиболее ярких, одиозных, и, пожалуй, до сих пор неразгаданных «властителей умов» Западной Европы второй половины XIII – первой половины XIV в. – в особом представлении не нуждается. Благодаря фундаментальному трактату «Защитник мира» («Defensor pacis») его имя, ещё при жизни вызывавшее у современников полярные реакции, – от восхищения до ненависти, а у потомков ассоциирующееся с оригинальностью языка и новизной аргументации, вписано в историю политической мысли. Одного из наиболее влиятельных членов парижской университетской корпорации, вполне преуспевшего в академической карьере, Падуанца едва ли можно назвать, если пользоваться привычной терминологией, «кабинетным учёным», эдаким отвлечённым от реальности теоретиком, занятым чтением и толкованием древних авторов, грезящим лишь о далёком и славном прошлом. В личности знаменитого интеллектуала вполне отчетливо проступает и другая – практическая, а скорее даже прагматическая сторона, свидетельствующая о том, что Марсилиий не стремился отгородиться от реальности, вызовов времени, уйти от

суеты общественной жизни или выбрать позицию учёного–конформиста, принимающего судьбу такой, какая она есть. В 1324 г. он опубликовал свой обширный «Защитник мира» анонимно, и это вполне отвечало практике того времени. Естественно, основная задача подобного приёма – обезопасить истинного автора (или авторов, если принять не вполне убедительную гипотезу, согласно которой часть трактата написана Жаном Жанденским), оградив от прямой атаки критиков, способной разрушить карьеру и жизнь. Однако едва ли Падуанец был столь наивен и искренне полагал, что его так и не разоблачат. Вскоре – в 1326 г. – имя Марсилиа раскрыли, и уже ни у кого не вызывало сомнений очевидное – автор скандального (как верно подметил К. Недерман) сочинения, буквально в одночасье сделавшийся злейшим врагом Св. престола и вынужденный бежать из Франции, обрел славу – долгую, хотя и неоднозначную.

Но славу кого? Создателя (или, что более корректно, предтечи) политической мысли новой формации; обличителя церкви и папства, выведшего полемическую культуру на новый уровень; «синтетического интеллектуала» (выражение М. Бореха), умело переплетавшего нити учености разных традиций – античной, святоотеческой, иудейской, арабо-мусульманской и собственно латинской средневековой – в некое единое полотно, озаглавленное «Защитник мира»? Думается, все из перечисленного может быть с полным правом приложено к Марсилию, однако есть и ещё один «маркер», которым часто обозначают парижского «подвижника пламенной литературы» в книгах и учебниках по истории политической и философской мысли, – «политический аверроист»¹. Так Падуанца характеризует, например, блестящий знаток европейской схоластики Этьен Жильсон², во многом силой своего авторитета не столько создавший, сколько точно укрепивший миф о том, что автор «Защитника мира» принадлежал к так называемым «политическим аверроистам»³. Жильсон не был одинок в подобных оценках; в обширной историографии «марсилееведения» можно с легкостью найти работы, в которых развивается установка на выявление в «Защитнике мира» элементов, свидетельствующих об «аверроистских пристрастиях» Падуанца. Однако велико число и тех исследований, на мой взгляд, более взвешенных в оценочном отношении, что призваны показать уязвимость и несостоятельность данных по-

¹ Troilo E. L'averroismo di Marsilio da Padova // Marsilio da Padova. Studi raccolti nel IV centenario della morte / A cura di A. Chacchini, N. Bobbio. Padova, 1942. P. 66–67; Piaia G. L'averroismo politico e Marsiglio da Padova // Saggi e ricerche / A cura di C. Giacon. Padova, 1971. P. 33–54; Maga M. What is “Good life”? The Influence of the Averroist Intellectual Ideal on Marsilius of Padua // Transylvanian Review. 2014. Vol. XXIII. № 1. P. 78–88.

² Жильсон Э. Философия в Средние века. От истоков патристики до конца XIV в. М., 2004. С. 523–524.

Jilson E. *Filosofia v Srednie veka. Ot istokov patristiki do konca XIV v.* М., 2004. С. 523–524.

³ Piaia G. Averroisme politique: anatomie d'un mythe historiographique // Orientalische Kultur und Europäisches Mittelalter. Berlin, New York, 1985. P. 288–300.

строений⁴. В настоящей небольшой статье, не призванной, конечно, расставить все точки над «i» в вопросе о принадлежности – реальной или мнимой – Марсилию к указанному идейному крылу «латинских аверроистов», поставлена задача рассмотреть лишь существо проблемы.

Начать следует прежде всего с терминологии. В источниках, насколько известно, не встречаются словосочетания «латинские аверроисты» и уж тем более «политические аверроисты». Данные понятия, несущие различную смысловую нагрузку, о чём будет сказано ниже, являются историографическими конструктами. Труды Ибн Рушда, именовавшегося в латинизированной форме Аверроэсом или просто Комментатором (потому как составил пространные разъяснения к трудам Аристотеля, снискав огромную славу на средневековом Западе; более того, сочинения арабского философа в восприятии многих латинских авторов буквально олицетворяли перипатетическую традицию), были востребованы в Парижском университете, где ко второй половине XIII в. обрели поклонников и интерпретаторов, наиболее яркими среди которых следует признать Сигера Брабантского и Боэция Дакийского. Именно эти интеллектуалы, писавшие по-латыни, признававшие правоту Ибн Рушда в толковании философии Стагирита, а точнее сказать, принимавшие аверроистское прочтение аристотелизма, разработали концепцию «двойственной истины» («*veritas duplex*»). Учение Аверроэса по трем ключевым аспектам – вечности мира, монопсихизма и детерминизма – подверглось критике со стороны ряда авторитетных католических авторов, в том числе Бонавентуры и Альберта Великого («*De unitate intellectus contra Averroem*», 1256).

Однако впервые термин «аверроисты» («*averroistae*», «*sectatores Averrois*») употреблён в 1270 г. Фомой Аквинским в специальном трактате («*De unitate intellectus contra averroistas*»), призванном изобличить ошибки и заблуждения как самого Ибн Рушда, так и тех парижских учёных мужей (речь идёт о Сигере Брабантском и Боэции Дакийском), которые приняли его искажённую интерпретацию Аристотеля. Полемика тезаурус был воспринят многими схоластами; достоин упоминания в этой связи и Рамон (Раймонд) Льюль (Луллий), обрушивавшийся с критикой на трёх «государей погибели» – Антихриста, Магомеда и Аверроэса.

Термин «латинский аверроизм», будучи в значительной степени достоянием научной мысли Европы XIX в. (см. классические работы Э. Ренана и П. Мандонне), имеет прочное историческое основание и вполне применим к описанию интеллектуальных реалий средневекового Запада, но только при одном условии, если уточнить, по каким именно чертам/критериям следует причислять того или иного автора к адептам Ибн Рушда. Проще говоря, кого можно и должно считать «латинским аверроистом»?

Если воспользоваться широким толкованием термина, то всего одного-двух упоминаний, например, Ибн Рушда, Сигера Брабантского или Бо-

⁴ *Gewirth A. Natural Desire, the Unity of the Intellect, and Political Averroism // Marsilius of Padua. Defensor pacis / Transl. by A. Gewirth. With a new afterword & bibliography by C. J. Nederman. New York, 2001. P. 435–442.*

эция Дакийского будет вполне достаточно для обвинения едва ли не любого случайно «проговорившегося» в своём тексте средневекового автора в приверженности «латинскому аверроизму». Полагаю, такой подход заведомо ведёт в тупик. Точнее и гораздо репрезентативнее путь более узкого толкования термина по набору определённых специфических элементов-категорий, составляющих некое «средо» интеллектуала, позволяющее восстановить его «идейный облик» и вписать в определённый культурно-исторический интерьер.

Аналогично обстоит дело и с употреблением понятия «политический аверроизм», из содержания которого в целом понятна его внутренняя логика: подразумевается, как кажется, применение отдельных, наиболее значительных, положений аверроистской интерпретации аристотелизма к объяснению закономерностей развития общественно-политической действительности. Однако не договорившись о *широком* или, наоборот, *узком* понимании данного термина, даже о его смысловом наполнении, учёные оказываются в ими же самими расставленных ловушках: как инструмент исследовательского языка «политический аверроизм», открытый позднейшей историографией, не работает, поскольку интерпретируется историками совершенно по-разному⁵. Важно помнить: то, что современные медиевисты настойчиво именуют «политическим аверроизмом», таковым – применительно к реалиям второй половины XIII – первой половины XIV в. – скорее всего и вовсе не являлось.

Именно в таком ключе, полагаю, резонно рассматривать вопрос, вынесенный в заглавие настоящей статьи, был ли Марсилиус аверроистом? Ответ на него зависит, конечно, в первую очередь от нашего главного источника – трактата «Defensor pacis», но и в не меньшей степени от того, какой смысл/толкование вкладывает исследователь в само это понятие.

Кажущийся реальным «политический аверроизм» Падуанца базируется на цепочке допущений, которые в свою очередь опираются на незначительные по объёму или неоднозначные в отношении интерпретации выдержки из «Защитника мира». Лишь единожды Аверроэс упоминается по имени, и Марсилиус приводит отрывок из его комментария к «Метафизике» Аристотеля⁶. Примечательно, что в первом полном английском переводе памятника (1956 г.) было выявлено всего два указания на Ибн Рушда (одно – прямое, одно – косвенное)⁷, тогда как в сравнительно недавнем (2005) издании Аннабель Брэтт – уже 6, однако с оговоркой «very similar»⁸. Действительно, некоторые пассажи, встречающиеся в трактате и подмеченные переводчицей, «очень похожи» на отдельные выдержки из трудов Аверро-

⁵ Piaia G. Averroisme politique: anatomie d'un mythe historiographique // Orientalische Kultur und Europäisches Mittelalter. Berlin, New York, 1985. P. 288–300.

⁶ Marsilius von Padua. Der Verteidiger des Friedens (Defensor pacis). Berlin, 1958. Bd. 1. S. 106.

⁷ Marsilius of Padua. Defensor pacis / Transl. by A. Gewirth. With a new afterword & bibliography by C. J. Nederman. New York, 2001. P. 40, 51 n.

⁸ Marsilius of Padua. The Defendor of the Peace / Ed. and transl. by A. Brett. Cambridge, 2001. P. 28 n, 53 n, 59 (59 n), 91 n, 93 n, 120 n.

эса. Впрочем, данный факт говорит лишь о том, что Марсилиий скорее всего читал корпус (или выдержки из) комментариев арабского философа к текстам Аристотеля, и не более. Было бы странно, и куда более показательно, если бы Падуанец, занимавший высокий пост в Парижском университете, проигнорировал «*Aristotelis opera cum Averrois commentariis*», хорошо известных латинскому Западу и прочно вошедших в его «интеллектуальный арсенал». Критикуя идеи Аверроэса или восхваляя их, западноевропейские (и французские, безусловно, в особенности) схоласты однозначно были отлично в них осведомлены. И в этом нет ничего удивительного: достаточно обратиться к сочинениям Жана Жанденского⁹ или Анджело Арецкого, чтобы убедиться – аверроизм в их текстах, Впрочем, не во всех, является по сути своеобразной «несущей конструкцией», концептуальным стержнем повествования, тогда как у Марсилия (и отчасти Петра Абанского) – мелкими смысловыми «осколками», не имеющими определяющего значения и развития. Напомним, что главная задача автора «Защитника мира» состояла как раз в том, чтобы развить и отчасти дополнить – на качественно новом уровне – Аристотеля и его «Политику»; и уже по этой причине обойти вниманием богатую и влиятельную комментаторскую традицию, олицетворяемую Аверроэсом, было бы просто не профессионально.

В «Защитнике мира» на текстуальном уровне не удается обнаружить однозначно интерпретируемые свидетельства того, что Падуанец не просто был знаком с фундаментальными положениями учения Ибн Рушда (и/или его латинских последователей в лице Сигера Брабантского и Боэция Дакийского, ни разу, к слову, не упомянутых), но и пытался их «вплести» в ткань своего политического повествования. Даже то, что Марсилиий настойчиво различал функции или, если угодно, миссии государства и церкви, рассматриваемые в свете привычной и отчасти даже традиционной для Средневековья цепочки оппозиций (мирское/священное, земной град/небесный, философия/богословие, разум/вера и т. д.), никак нельзя объяснить его будто бы аверроистскими взглядами. Сепарация веры от разума, обнаруживаемая в трактате «*Defensor pacis*», едва ли сама по себе, т. е. без привязки к иным сторонам аверроистских теоретических построений, автоматически свидетельствует от том, что Падуанец – приверженец концепции «*veritas duplex*».

Вообще всё то, что, к примеру, упоминаемый ранее Э. Жильсон пытался приписать «политическому аверроизму» Марсилия, не имеет, как кажется, серьёзных оснований; более того, выдаёт в выдающемся исследователе томизма и средневековой философии в целом всё же несколько предвзятого читателя/интерпретатора Падуанца. Отчасти логика учёного понятна, поскольку он придерживался версии, что первую часть «Защитника

⁹ Syros V. Die Rezeption der Aristotelischen Politischen Philosophie bei Marsilius von Padua. Eine Untersuchung zur Ersten Diktion des «*Defensor pacis*». Leiden, Boston, 2007. S. 39–42; *Idem*. Marsilius of Padua at the Intersection of Ancient and Medieval Traditions of Political Thought. Toronto, 2012. P. 22–24.

мира» написал Жан Жанденский¹⁰, а значит, и аверроистский пафос сочинения бесспорен и очевиден.

Марсилий принадлежал к тем, кого уместно назвать представителями так называемого «политического аристотелизма»; однако его прочтение и толкование наследия Стагирита куда более сложное и комбинированное в идейном плане, чем казалось ранее, и не сводящееся только к аверроистическим коннотациям. В попытках обнаружить в трактате Падуаца нечто принципиально новое, авторы нередко упускают «хорошо забытое старое», а именно – апологетическую и святоотеческую традиции. К слову, даже в частотном отношении ссылки на труды Лактанция, Бл. Августина и Амвросия вполне могут «конкурировать» с упоминаниями Аристотеля. И в этом куда меньше формального, чем может показаться на первый взгляд.

Марсилий Падуанский был и теоретиком, и практиком одновременно, он жил в реальном мире, который буквально на его глазах менялся, перекраивался, распадался, утрачивал цель и цельность; ум интеллектуала и прагматика подсказывал, какой путь выбрать, и Аристотелевская философия оказалась для него спасительной. Однако, и это важно подчеркнуть, не сама по себе, не в некоей самоценности, но в спаянности с христианским вероучением. Парадоксальность Марсилия Падуанского в том, пожалуй, и состоит, что о ценности религии и веры – буквально онтологической и сотериологической – он говорил, почти увещевал языком Аристотеля.

Список литературы:

1. *Жильсон Э.* Философия в Средние века. От истоков патристики до конца XIV в. М., 2004.
2. *Maga M.* What is “Good life”? The Influence of the Averroist Intellectual Ideal on Marsilius of Padua // *Transylvanian Review*. 2014. Vol. XXIII. № 1. P. 78–88.
3. *Maiolo F.* Medieval Sovereignty. Marsilius of Padua and Bartolus of Saxoferrato. Delft, 2007.
4. *Marsilius of Padua.* The Defendor of the Peace / Ed. and transl. by A. Brett. Cambridge, 2001.
5. *Piaia G.* L’averroismo politico e Marsiglio da Padova // *Saggi e ricerche* / A cura di C. Giacon. Padova, 1971. P. 33–54.
6. *Piaia G.* Averroisme politique: anatomie d’un mythe historiographique // *Orientalische Kultur und Europäisches Mittelalter*. Berlin, New York, 1985. P. 288–300.
7. *Syros V.* Die Rezeption der Aristotelischen Politischen Philosophie bei Marsilius von Padua. Eine Untersuchung zur Ersten Diktion des «Defensor pacis». Leiden, Boston, 2007. S. 39–42.
8. *Syros V.* Marsilius of Padua at the Intersection of Ancient and Medieval Traditions of Political Thought. Toronto, 2012. P. 22–24.

¹⁰ См. между прочим по этому поводу: *Maiolo F.* Medieval Sovereignty. Marsilius of Padua and Bartolus of Saxoferrato. Delft, 2007. P. 167–170.

9. Troilo E. L'averroismo di Marsilio da Padova // Marsilio da Padova. Studi raccolti nel IV centenario della morte / A cura di A. Chacchini, N. Bobbio. Padova, 1942. P. 66–67.

WAS MARSILIUS OF PADUA AN AVERROIST? TO THE PROBLEM OF THE POLITICAL IDEAS' SOURCES IN THE WEST EUROPE IN THE FIRST HALF OF THE XIV CENTURY

A. K. Gladkov

The Russian Academy of Sciences, the Institute of General History,
Moscow, Russia

The historiography suggested the antique, patristic and medieval political ideas connected with the averroist ones in Marsilius of Padua «intellectual arsenal». But it's difficult to answer the question: was Marsilius of Padua the supporter of this philosophical system or not? The analysis of the treatise «Defensor pacis» illustrates Padua did not ignore the most interesting aspects of the famous «East sage» doctrine, but if he used some theses of Averroism he did this selectively. The identification of the «East line» on the level of sources in the political thoughts' development in the first half of the XIV century opens the opportunities of future researches.

Keywords: *Marsily Padua, «Defender Pacis», «Political Averroism», Political Thought, Scholasticism.*

Об авторе:

ГЛАДКОВ Александр Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российская академия наук, (119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а), e-mail: gladkov2010@yandex.ru

About the author:

GLADKOV Alexander Konstantinovich – assistant professor, senior scholar of the, the Institute of General History, the Russian Academy of Sciences, (119334, Russia, Moscow, Leninsky prospect, 32a), e-mail: gladkov2010@yandex.ru

References:

Jilson E., *Filosofia v Srednie veka. Ot istokov patristiki do konca XIV v. M.*, 2004.

Статья поступила в редакцию 29.10.2018 г.